

©

М. И. Ростовцев

ГЛАВА VI. ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

2. ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЭПОХИ РИМСКОГО ПРОТЕКТОРАТА *

Михаил Иванович Ростовцев

аллинизованных элементов около грозившей смертельной опасности.

Весьма возможно, что это объединение, включавшее в себя и гражданство городов и отдельно организованное «греческое» купечество, в значительной степени объясняет силу сопротивления, которое показало Боспорское царство почти без помощи Рима в борьбе со своими могучими соперниками. Особенно трудно приходилось, конечно, Горгиипии и Тана-

Самое появление коллегий как продуманной общегосударственной организации представляется мне стоящим в теснейшей связи со всей военной организацией государства, базировавшейся на гражданском войске греческих городов Боспора. Коллегии были теми социальными ячейками, которые должны были явиться носителями военной мощи Боспора. Надо помнить, что деятельность Савромата I падает на ту эпоху, когда в смутах правления Домициана, в тяжелую годину ослабления Рима на его северо-восточной границе, когда Рим с трудом отстаивал неприкосновенность своей Дунайской границы, города Боспорского царства почувствовали себя на пороге гибели. Естественно, что в сильном еще и здоровом организме греческих городов нашлась благоприятная почва для сплочения всех

талантливого царя для отражения

* Продолжение. Начало см. ВДИ. 1989. № 1—3.

иде, наиболее экспонированным пограничным крепостям, и естественно, что здесь особенно сильна и прочна была организация греческих военно-сакральных объединений гражданства и купечества.

Крупная роль, которую играли мужественные защитники эллинства в городах Боспора, иллюстрируется и целым рядом надгробных, частью метрических надписей. Последние особенно характерны, так как подчеркивают тесную связь этих защитников с греческой культурой.

Укажу, например, на недавно опубликованную надпись Аристона (Марти ЗООИ и Др. XXXII (1915), Протоколы № 437):

«Аристон, сын Аристона, прощай.
Тяжкое горе родителей здесь не станет, Аристон,
Слез проливать по тебе, доблестной родины страж!
Ибо, поверь, не к мертвым ты приобщись, но будешь
В памяти всех боспорян жизнью вечною жить...»

(Перевод Ю. Ю. Марти)¹

(далее только обрывки). Ср. IOSPE. II, 171 В: «...убил бурный номадов Арес...»; IV, 109; «...убитого завистливым Аресом в бою за отечество...», II, 298 В: «...Я изрубил много кровавых вражьи доспехов и лежу, пораженный копьем, в Боспорской земле»².

Еще показательнее рельефы надгробных стел, на которых проходит перед нами в схеме греческого героического надгробного рельефа сплошная серия гражданских защитников Боспора. Лучшим объяснением роли этих вооруженных героев может служить описание одного из героев — защитников Ольвии — Каллистрата, данное нам Дионом Хрисостомом как раз для времени, когда, по нашему предположению, под давлением тяжелых внешних политических обстоятельств слагалась организация военных коллегиев Боспора. На это же время, как увидим ниже, падает и появление большинства украшенных рельефами надгробных стел боспорского царства.

Приведу слова Диона, хотя они в достаточной мере известны всем, интересующимся историей юга России в античности. Думается, что в рамках сказанного они получают несколько иное освещение, чем то, которое им обычно дается. Дион XXXVI, 7: «Каллистрат, возвращаясь верхом в город извне, сначала проехал мимо нас, затем, немного опередив, слез с коня и, передав его ехавшему с ним слуге, сам очень вежливо подошел, спрятав руку под плащ. Он был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство, на плечах был небольшой тонкий черный плащ, какой обыкновенно носят Борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название Меланхленов (Черноризцев). Каллистрату было лет 18, он был очень красив и высок и в наружности имел много ионического. Про него говорили, что он храбр на войне и многих Савроматов или убил, или взял в плен. Кроме того, он прилежно занимался красноречием и философией, так что даже выражал желание уехать вместе со мною. Благодаря всему этому он пользовался хорошей репутацией у сограждан, но особенно славился он красотой и имел много обожателей»³.

Поучительно сравнить с этим описанием многие стелы синодитов, украшенные рельефами, а также ряд других вышеуказанных надгробных

стел боспорцев I—II вв. по Р. Хр., особенно же уже вышеуказанную стелу Стратоника, где он выступает и как ученый, и как воин.

Все сказанное рисует нам Боспорское царство прежде всего как прочную военную организацию, в которой решающую роль играло гражданство городов Боспора, выступающее обыкновенно как тяжеловооруженная конница. На это последнее совершенно определенно указывают надгробные стелы Боспора, украшенные рельефами. Если выделить в публикации Кизерицкого и Вадингера ⁴ надгробные стелы Боспорского царства, что сильно затруднено авторами, то мы увидим с полной ясностью, что все эти стелы, как это отметил уже Шкорпил ⁵, падают на I—II вв. по Р. Хр., причем стел раннего I^{го} и позднего II^{го} имеется сравнительно очень немного. Типы сюжетов на этих стелах очень немногочисленны: все время варьируется мотив героизированного покойника. Важно, однако, что этим чертам придаются очень реальные черты, которые придают многим рельефам характер настоящих военно-бытовых сценок.

Их одежда и вооружение близко напоминают описание Диона и, очевидно, передают господствующие формы вооружения и одежды всего греческого северного побережья Черного моря *. Нас здесь особенно интересует вооружение. О скифо-греческом костюме я говорил подробно в другом месте ⁶.

О типах отдельных предметов вооружения сказано подробно во введении ⁷. Указано и на их поразительное родство с находками на Кубани. Насколько здесь имело место во всех случаях влияние сарматской паноплии на Боспоре или, может быть, как, например, для мечей, мы имеем дело и с обратным влиянием Боспора на сарматов, это вопрос трудный и сложный. Нас интересует здесь более всего общий характер вооружения.

Прежде всего ясно, что мы имеем дело отнюдь не с греческими тяжеловооруженными пехотинцами, а в огромном большинстве случаев с вооружением тяжелой конницы, такой же, в общем, какая представлена в паноплиях, находимых в скифских курганах, особенно IV—III вв. до Р. Хр. Воин в такой паноплии изображен на знаменитом золотом гребне из Солохи.

* Это совершенно ясно вытекает и из сравнения текста Диона об Ольвии, боспорских памятников и того, что дает нам Овидий в описании Томи, города, который, как мы видели выше, всегда, как и Пантикапей, стоял в ближайшей связи со второй «Малой» Скифией, организовавшей в сравнительно прочное государство в устьях Дуная, в нынешней Добрудже. В *Trist. V, 7* он указывает прежде всего на преобладание в городе варваров—гетов и сарматов—над греками. Давая их описание этих последних, он *implicite* характеризует и все население Том, 15 слл.: «Между ними нет ни одного, кто не носил бы палучья, лука и синеватых от змеиного яда стрел. Грубый голос, свирепое лицо — истинный образ Марса. Ни волосы, ни борода не подстрижены ничьей рукой, десница всегда готова наносить раны, вонзая нож, который всякий варвар носит на привязи у бедра...». Люди дикие, как волки, *V, 47* слл.: «Звериными шкурами и широкими штанами они защищают себя от жестоких холодов, их страшные лица закрыты длинными волосами. У немногих существуют еще остатки греческого языка, но и они уже стали варварскими под влияниями гетских звуков». Что также *mutatis mutandis* одевались и греки Том, на это указывает Овидий в *Trist. V, 10, 33* слл.: «Тех, которых считают происходящими из греческого города, также вместо отечественного убранства прикрывают персидские штаны». Типично и упоминание скрипучих сарматских телег, живо напоминающих нам терракотовые изображения таковых, находимые в пантикапейских погребениях раннего императорского времени. Очень типично описание дружины, защищающей акрополь города, *Trist. V, 10, 27* слл.: «Мы едва защищены укреплением, и все-таки внутри города вдушает страх смешанная с греками толпа варваров». Надо, конечно, принять во внимание, что в этом описании Овидий дает волю своему недовольству вынужденным пребыванием в варварском городишке и рисует нам его, конечно, в сгущенно-мрачных тонах.

И здесь, и там мы имеем греческий шлем и греческие поножи. Постепенно, однако, греческий шлем вытесняется конической металлической шапкой, напоминающей позднейшие так называемые Spangenhelme, по всей вероятности, иранского происхождения. Скифскими являются типичные гориты и луки и характерная нагайка. Иногда всадники имеют и круглый щит; чаще большой щит римского образца изображается на рельефах, представляющих пехотинцев. И это отсутствие щита характерно для скифской панолии. Большое копье и метательные дротики дополняют картину, и их мы находим в скифских гробницах. Наконец, меч и кинжал, хотя в общем и соответствуют короткому мечу и кинжалу скифов, но имеют иные, выше анализированные формы. Панцирь не характерен для конных боспорцев. Там, где он встречается, он, как и в скифских гробницах, либо греческий, либо типичный чешуйчатый панцирь конных скифов.

Вооружение пехотинцев, которых с точностью можно выделить только по признаку большого щита, в общем мало чем отличается от вооружения всадников. При этом очень трудно с определенностью сказать, везде ли там, где погребенные изображены без лошадей, имеется в виду изображение настоящих пехотинцев-фалангитов.

Ту же картину тяжеловооруженных всадников дают нам и картины в боспорских комнатных погребениях, с тем исключением, что в них вооружение еще дальше от греческого. И здесь, особенно в гробницах Ашика, Стасова и 1873 г., основную роль играют конные тяжеловооруженные воины. Они выдерживают тяжесть боя, сводящегося к рыцарскому поединку. Пехота играет вспомогательную, сравнительно второстепенную роль. Возможно, что в двух последних гробницах мы наблюдаем и известную эволюцию в вооружении. Кроме отсутствия греческих элементов вооружения, наблюдается, может быть, большая его сарматизация, что сказывается, может быть, в том, что панцирь боспорских всадников, пожалуй, более напоминает кольчатую кольчугу сарматских погребений Кубани, чем обычный в скифском обиходе чешуйчатый панцирь. Характерна и форма конического шлема, на котором я подробно говорил в другом месте. Интересно и появление седла, присутствие которого в скифских погребениях определенно указать невозможно и которого нет на изображениях конных скифов IV—III вв. до Р. Хр. Стремя, как кажется, нет на интересующих нас изображениях, хотя наличность их в сарматских погребениях Кубани удостоверена Веселовским.

Очень характерно противоположение тяжеловооруженных конных рыцарей и легковооруженной пехоты, отношение как раз обратное тому, которое характерно для греческой тактики и греческого, равно как и римского, военного дела. На стелах мы этого так определенно не замечаем. Здесь может быть можно даже установить известную эволюцию от греческой тяжеловооруженной пехоты через пехотинцев вооруженных, как кажется, на кельто-фракийский лад, к той пехоте, которую мы находим и в расписных камерах.

Все эти особенности, по всей вероятности, объясняются более поздней датой расписных камер сравнительно с большинством надгробных стел Боспора.

Напомню, что подобную же эволюцию переживают и изображения царей на медных монетах Боспора. Монеты первого и начала второго века по Р. Хр. дают нам изображение царя как легковооруженного всадника типа кельтских и фракийских всадников римских вспомогательных войск: легкий не скифский и не сарматский панцирь, дротик, а не тяжелое

кошь, короткий меч. Иную картину дают фигуры боспорских царей на монетах начиная с Евпатора. Здесь особенно характерна тяжелая панцирная рубашка. К сожалению, детали вооружения могут быть наблюдаемы только на изображениях царей, представленных в мирном акте адорации. Экземпляры монет, где те же цари изображены сражающимися, настолько плохо сохранились, что определить характер их вооружения не представляется возможным.

Во всяком случае, анализ боспорских стел и изображений военного характера в расписных камерах указывает с несомненностью на то, что гражданство Боспора является в огромной массе вооруженным гражданством, большой вооруженной дружиной. На это указывает прежде всего решительное преобладание [среди] надгробных стел с рельефами таких, где погребенные изображены вооруженными. Но вооруженными они изображаются в огромном большинстве случаев только на стелах, где изображен акт так называемой загробной трапезы. Значительное количество стел, на которых конный вооруженный гражданин представлен в сопровождении своего оруженосца (*ὄπλιδός*), подчеркивает, кроме того, аристократический характер военной организации Боспора.

Наконец, состав и характер вооружения и характер боевых сцен подчеркивает негреческий характер этой милиции, ее близкую связь со скифской, а затем и с сарматской вооруженной знатью.

Таким образом, и археологический материал подсказывает нам те же выводы, к которым мы пришли на основании анализа эпиграфических данных об организации городов, гражданства и коллегиев.

Перед нами картина государства, организованного прежде всего для военной защиты и нападения. Во главе стоит царь, воитель и военачальник по преимуществу. Около него группируется население городов, их гражданство, с молодых лет подготавливающееся к защите государства под водительством царя. Гражданство это строго отделено от остальной массы населения и группируется прежде всего в особых, [подвластных] ему только и близким ему по общественному положению негражданским купцам, имеющим в своих руках морские силы, коллегиях военно-сакрального характера. Эти коллегии являются ячейками государственного войска и, вероятно, государственного флота. Первое организуется по городам из гражданства этих городов, большая часть которого является на призыв как тяжеловооруженная конница. Как организована была пехота, выяснить трудно. Возможно, что наряду с гражданской пехотой имелись и пехотинцы, являвшиеся вместе с рыцарским всадничеством в качестве сопровождающей его дружины. Гражданская милиция находится под командой городских *στρατιῶται* и *λογισταί*. В каком отношении стояли эти городские военачальники к царю и его чиновникам, выяснить невозможно. Вряд ли они носили чисто выборный характер. Труднее вопрос об организации флота. Данных для его разрешения мы не имеем. Но позволительно думать, что в его структуре «греческие» *ἑμποροί* играли такую же роль, какую в структуре войска играло организованное гражданство. Значение класса *ἑμποροί* и *καβάληροι* в жизни Горгиишии и Танаиды, необходимость для этих арматуров и экспортеров заботиться о безопасности своих торговых флотов, их организации в коллегии, наконец, пример недавнего прошлого, когда Черное море находилось в значительной степени в руках отдельных богатых судовладельцев, выступавших подчас и в роли корсаров, позволяет думать, что при организации военного флота, вряд ли постоянного, скорее же собиравшегося *ad hoc* в случае необходимости для той или иной экспедиции, организации

ναὐκλήροι с их вооруженным торговым флотом были торговыми кадрами, образовывавшими вместе со специально сооруженными царскими судами — вспомним, что и царь был таким же арматером и экспортером, как и организации навклеров, — сильные боевые флоты, разрушавшие те или другие морские силы прибрежных варварских племен, собиравшиеся для пиратства en grand в Черном море. Римский понтийский флот и эскадра, стоявшая в Херсонесе со времени Антонина, сами по себе вряд ли в состоянии были обеспечить безопасность торгового плавания по Черному морю. Боспорские цари и суда боспорских ναὐκλήροι должны были и сами серьезно думать об охране питавшего их Черного моря.

Набросанная, только в самых общих чертах установившаяся, в деталях совсем нам неизвестная картина строя отдельных городов Боспора и боспорских военных сил предполагает известную социальную и экономическую структуру Боспора, на базе которой она только и может быть мыслима. Структура эта по существу своему должна была быть аристократической, аналогичной структуре греческого города-государства раннего периода, структуре кельтских и фракийских государственных образований.

Вооруженное гражданство предполагает его обеспеченность в материальном отношении, возможную только при том условии, что работа по добыванию натуральных продуктов лежала не на самом гражданстве, а на подвластном ему классе населения.

Подобную структуру экономических и социальных отношений мы предположили уже для эпохи Спартокидов и вряд ли она значительно изменилась в эпоху зависимости Боспора от Рима.

Не изменилось прежде всего положение самих царей. Мы видим, что Савромат I выступает как глава коллегии навклеров в Горгишии. Это заставляет думать, как сказано было выше, что и он сам, как его предшественники Спартокиды, был крупным экспортером и арматером, сам был самым богатым и могущественным навклером. На этом зиждилась в значительной степени его роль по отношению к римскому государству. Мы видели, что Боспор в такой же мере важен был для Рима, как государство-буфер и государство-разведчик, как, с другой стороны, по своей роли базы снабжения для римских армий, оперировавших на самом западном побережье Черного моря. Боспорцы были главным образом поставщиками натуральных продуктов — хлеба, рыбы, скота, кож — не столько для городов южного и западного побережья Черного моря, сколько для стоявших там римских армий, составлявших базу и резервы для экспедиционных армий армянской и частью парфянской границы. Этим объясняется тесная связь Боспора с Вифинией⁸, особенно со времени Нерона, когда возобновилась активная политика римлян по отношению к Востоку, и те субсидии, которые получал Боспор от Рима и которые были эквивалентом за доставляемые Боспором натуральные продукты.

Римляне имели, прежде всего, дело с царем, и царь, естественно, был главным их поставщиком. Тот факт, что царь отпускает горгишийским навклерам 1000 артабов хлеба, показывает, какие натуральные ресурсы находились в его руках. Это предполагает продолжение существования той государственной и экономической структуры, которую мы предположили для эпохи Спартокидов. Царь и теперь является собственником территории царства, имеет определенные доходы с этой территории и ведет, вероятно, самостоятельно крупное хозяйство. Упомянутые выше подарки земель и деньгами (или натуральными продуктами!) Фанагории ясно показывают, что дело обстояло именно так.

Но наряду с ним мы имеем и других держателей земли, ведущих на ней самостоятельное хозяйство. Одно случайно сохранившееся эпиграфическое свидетельство позволяет нам подтвердить документально это а priori несомненное предположение.

В надписи IOSPE. II, 353, стоявшей когда-то в святилище Афродиты Урании около Фанагории, царь Реметалк делает следующее распоряжение *: «Тиберий Юлий царь Реметалк, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, посвященные Летофором земли в Фианнеях и клиентов, согласно стоящему рядом столпу, с течением времени уменьшившиеся, все собрав и увеличив, восстановил богине целыми попечением Александра, сына Мирина, заведующего священными делами, 448 г. [151 по Р. Хр. — М. Р.], месяца Апеллея 20».

Ясно, что какой-то Летофор в свое время подарил храму значительную территорию вместе с сидевшими на ней крепостными. Этот подарок был закреплен особым актом, вырезанным на камне и поставленном в святилище. Рядом с этим документом воздвигается теперь второй, дошедший до нас.

Мы имеем, таким образом, перед собой акт, аналогичный ряду таковых же, известных нам из надписей Малой Азии. Значение термина *πελάται* после свидетельств, приведенных выше, не представляет никаких сомнений. Это крепостные, сидевшие на земле, *λαοί*, как о них говорят малоазиатские надписи.

Кто был Летофор и когда он сделал свой подарок, нам, конечно, неизвестно. Сведения эти нам мог бы дать только сооруженный им в святилище *τελαμών*, на котором он увековечил акт своего дара.

Во всяком случае, ясно, что это было какое-то частное лицо, владевшее крупными землями.

С течением времени дар Летофора тем или иным путем пришел в уменение. Части территории, очевидно, были кем-то захвачены. Царь Реметалк восстанавливает прежнее положение, возвращает земли храму вместе с крепостными и присоединяет к ним новые территории, очевидно, из своих собственных владений.

Все это дает нам достаточно знакомую картину экономической структуры эллинистического царства. Царь как верховный собственник земли, рядом с ним храмы с крупными земельными владениями, увеличиваемыми подарками со стороны крупных землевладельцев, может быть, ленников царя, и со стороны самого царя. На землях этих сидят крепкие их *πελάται*, т. е. колонны, работающие на владельцев земли и переходящие от одного к другому вместе с землей.

Думается, что картина, даваемая нашей надписью, типична для организации земельного хозяйства на всей территории Боспора и что значительная часть городских жителей Боспора были более или менее крупными землевладельцами, ведшими на своей земле через подвластных им колоннов и рабов, количество которых пополнялось непрерывными войнами, земледельческое или скотоводческое хозяйство.

Картину такого хозяйства дает нам, к сожалению, сохранившаяся только в сравнительно неточных рисунках роспись комнатного погребения некоего Анфестерия. Судя по росписи гробницы, по ее величине и отделке, а также по тому, что соседняя гробница, принадлежавшая члену той же семьи Алкиму, расписана не менее богато, мы имеем дело с по-

* Надпись впервые правильно истолкована и прочтена Латышевым, ср. *Ber. Ph. Woch.* 1914.

гребением зажиточного пантикапейца I в. по Р. Хр. Роспись гробницы Анфестерия дает ряд обычных картин, изображающих героизированного покойника: выезд, сидящая на кресле женщина. Но талантливый мастер, расписывавший гробницу, сумел придать этим обычным сценам особый характер. Он оживил эти сцены рядом наблюдаемых деталей обыденной жизни, связал это в одну жанровую сцену, изображенную на фоне полу-реального, архитектурного пейзажа.

Это дает нам возможность воспользоваться этой росписью как документальными данными и истолковать ее, устранив условное, как мы истолковали бы тот или иной текст.

Перед нами, несомненно, трактованная в несколько идиллическом духе сцена из жизни степей ближайших окрестностей Пантикапея. В степи раскинута палатка или, лучше, сооружена типичная кочевническая юрта. Около юрты растет дерево, что заставляет предположить присутствие воды. У дерева прислонено боевое копьё, на ветвях дерева висит горит. Около юрты сгруппировалась семья: жена на традиционном кресле, конечно не реальном, дети, слуги. В степи около юрты пасутся лошади. К юрте подъезжает хозяин, сзади него его слуга и оруженосец. В руках у хозяина нет оружия, одна погайка. Сбоку, однако, висит меч — к ляжке прикреплен кинжал. Тяжелое оружие хозяина — копьё и лук — везет слуга. Он же ведет сменную лошадь. Сзади бежит жеребенок.

Отвлекаясь от условной схемы изображенной сцены и останавливаясь только на реальных деталях, мы можем с значительной долей вероятности истолковать эту сцену как сцену жизни пантикапейца в его имении, на его земле. Здесь, очевидно, у него не было постоянного жилища, он сооружает себе юрту того же, очевидно, типа, что и жилища постоянных жителей степи. Ясно, что перед нами тип полуседлого степного хозяйства, исключая типичные для других частей римского государства постоянные жилые постройки. Перед нами часть кочевья*.

Это, конечно, не исключает земледельческого хозяйства, но свидетельствует о неустойчивости положения, о постоянных опасностях, не дававших возможности думать о сооружении постоянных жилищ прочного типа. Очевидно, что и *Жизнь Страбона*, о которых была речь выше, были или группами юрт, или скоплениями сооружений самого первобытного типа, как в Африке до введения прочных порядков римской администрацией и войском (африканские *marpalia*).

О неустойчивости и постоянной опасности свидетельствуют и вооружение хозяина юрты и вооружение его спутника. Выезжать в степь без оружия было, очевидно, невозможно. Стада и посевы должны были быть под постоянной охраной, вооружение нужно было и для того, чтобы держаться в руках рабочую силу**.

* Ту же картину рисуют перед нами и интересные находки в керченских гробницах того же времени, что склеп Анфестерия. Я имею в виду модели телег двух типов: один — обычная грузовая телега на четырех колесах, характерной формы, может быть, назначенная для погрузки в нее насыпкой вымолоченного зерна, другой — телега-кибитка, одна с пирамидальным верхом, т. е. с целой водруженной на нее юртой, другая с полуцилиндрическим верхом; обе с дверями в фасаде кибитки. См. Бенковский. ИАК. 9. 63 слл. Табл. IV—VII⁹; Wiener Studien. B. XXIV. 394 слл.; Minns, *Scyth. and Greeks*, 30 сл. ¹⁰ Находка этих телег-кибиток в гробницах римского времени доказывает с очевидностью систему выездного хозяйства пантикапейцев с заимствованием от кочевников и типичной телеги-кибитки.

** Такую же картину сельскохозяйственной жизни рисует Овидий для окрестностей Том. В *Tristia V*, 10, 15 слл. он говорит: «Кругом грозят жестокими войнами бесчисленные племена, которые считают позорным для себя жить не грабежом» и дальше — 23 слл.: «Поэтому редко кто осмеливается обрабатывать землю, да и тот несчастный одной рукой пашет, а в другой держит оружие».

Каков был характер хозяйства Анфестерия, условная сцена росписи гробницы не указывает и не могла указывать. Ясно одно, что табуны лошадей — материал для конного войска Боспора — были необходимой составной частью каждого хозяйства.

Это все, что можно извлечь из описанной сцены. Но эти данные несомненны. Ни юрту, ни реальную основу сцены выезда не могли подсказать художнику ни традиционная схема, ни чужие оригиналы. Это, несомненно, наблюдается и реально. Реальны и наблюдаемы, конечно, и сцены в Стасовском погребении и камере 1873 г. И они, конечно, дают в общем обычную героическую сцену — сцену геройского боя. Но и в них вся обстановка реальна и наблюдаема.

Мы уже использовали эти сцены для того, чтобы составить себе представление о военной структуре Боспора. Но, может быть, из них можно извлечь и большее. В Стасовском погребении изображены сцены боя пантикапейского рыцаря с тавром и со скифами. Конечно, возможно думать, что перед нами условная сцена, сцена боя вообще, может быть, часть большого сражения, напоминающего о подвигах военачальника в борьбе Боспора с таврами и скифами.

Но возможно и другое толкование. Возможно, что перед нами опять сцена из обыденной жизни степей. На этот раз сцена отражения вооруженным помещиком набегов на его поместье пеших тавров и конных скифов. Решающую роль играет в битве сам предводитель. Это последнее, конечно, может быть и наблюдаемо, но может быть отнесено и на счет шаблона. Но несомненно, не шаблонно сопровождение героя его дружиной. Вопрос только в том, имеем ли мы дело с личной дружиной помещика или с отрядом пантикапейского войска. За последнее толкование говорит как будто бы vexillum в изображении дружины на параде, но возможно, конечно, и первое предложенное толкование.

Скудость наших сведений заставила нас постараться выжать из них и из сделанных сближений все, что возможно, вряд ли, однако, больше чем позволяет их смысл и их характер. Утверждать с уверенностью, что предложенное восстановление схемы социального, экономического и государственного строя Боспора единственно правильно, я не стал бы, но, думаю, все приведенные свидетельства так легко укладываются в рамки набросанной картины, что сомневаться в правильности наброска едва ли приходится.

Многое в этом наброске туманно и неясно. Неясно прежде всего положение огромного большинства населения города, стоявшего вне пределов гражданства, и объединенного «греческого» купечества. В каком отношении стояли они, т. е. вся масса грузчиков, мастеров, гребцов, ремесленников, мелких торговцев и т. п., поскольку она не состояла из рабов и откупщиков, к гражданству и к царю, какие были их обязательства по отношению к государству и специально к защите государства. Но на это наши источники не дают ни намека, и потому приходится воздержаться от всяких предположений.

И в вопросе о гражданстве и купцах мы далеки еще от ясных представлений. Прежде всего неясна численность этих двух классов. В этом направлении вдумчивая работа над надгробными надписями и над списками коллегиев, особенно в Танаиде и Горгишии, при пополнении этих данных материалом из систематических раскопок этих городов могла бы нам дать ряд ценных указаний. Даже имеющийся в наличии материал с повторением одних и тех же имен и отчеств не говорит о большом числе руководящих семей, составлявших гражданство Танаиды и Горгишии.

Пестрее картина в Пантикапее. Но здесь как раз списков у нас почти нет, а в надгробных надписях трудно выделить те, которые принадлежали привилегированным гражданам. Украшение рельефами, конечно, не является критерием. Вряд ли можно говорить об обязательности рельефа для надгробия члена семьи привилегированных классов.

Комментарии

¹ *Марти Ю. Ю.* Стихотворная эпитафия Аристона, сына Аристонова // ЗООИД. 1915. Т. XXXII. С. 116—118.

² Эпиграфические тексты в данной публикации даются по переводам В. В. Латышева, сделанным в его сборниках: *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*. V. I, II, IV, I². Petropoli, 1885, 1890, 1901, 1916 и сверенным с изданием этих текстов в «Корпусе боспорских надписей» (М.—Л., 1965). В тех случаях, когда тексты надписей филологически комментируются М. И. Ростовцевым, они воспроизводятся здесь по его рукописи в греческом оригинале. Древнегреческое написание сохраняется и для титулов боспорских чиновников в тех случаях, когда М. И. Ростовцев сравнивает эпиграфические тексты между собой. Перевод всех титулов и специальных терминов оговорен в тексте или же в примечаниях.

³ Тексты греческих и римских авторов приведены в данной публикации по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I—II. СПб., 1893—1904.

⁴ *Kieseritzky G., Watzinger K.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. В. 1909.

⁵ См. рец. В. В. Шкорпила на вышеупомянутую книгу К. Кизерицкого и К. Вандингера: *Listy filologicke*. 1909. Т. XXXVI. С. 374.

⁶ Вопросу о скифо-греческой одежде М. И. Ростовцев уделил внимание в статье «Эллино-скифский головной убор» (ИАК. 1917. Вып. 63. С. 69—101), написанной им совместно с крупным знатоком старинного платья, театральным художником П. К. Степановым в самом конце 1916 г. Следует отметить, что данное упоминание работы о скифо-греческом костюме косвенно указывает на время создания II тома «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства». Это, вероятнее всего, первая половина 1917 г., поскольку Ростовцев не делает примечаний на работу, находящуюся в тот момент в издательстве.

⁷ «Введением» М. И. Ростовцев называл I том своего «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства», известный ныне как его книга «Скифия и Боспор» (1925). Ряд упоминаний этого «введения» в главах II тома, при написании которых Ростовцев использовал литературу, изданную до 1915 г. включительно, позволяет еще более детально уточнить время создания книги в целом, а также высказать предположение о способе работы М. И. Ростовцева над ее текстом. Эту книгу М. И. Ростовцев начал писать, вероятнее всего, в 1916 г., работая попеременно над разными главами I и II томов «Исследования...». Во второй половине 1917 г. и первой половине 1918 г. он все свои усилия сконцентрировал на работе с текстом I тома, хотя, как видно из предыдущего комментария, в первой половине 1917 г. он все же работал еще и над текстом публикуемой здесь VI главы II тома.

⁸ Рассмотрению вопроса о причинах и характере связей Боспора с Вифинией и другими странами Понта М. И. Ростовцев посвятил в 1917 г. отдельную научно-популярную статью «Понт, Вифиния и Боспор» в Русском историческом журнале (1917. Вып. 1. С. 114—130). Наличие кроме этой статьи еще целого ряда небольших работ М. И. Ростовцева по скифо-боспорской тематике в период с 1917 по 1918 г. также подтверждает, на мой взгляд, предположение о «параллельной методике» работы М. И. Ростовцева над текстами I и II томов его «Исследования...». Запнявшись во второй половине 1917 г. детальной доработкой текста I тома, М. И. Ростовцев в это же время стремился развить основные положения второй части книги при помощи публикации отдельных статей проблемного характера. Этим же приемом он воспользовался и в 1918 г., когда текст I тома был уже в основном завершен. Именно поэтому, прежде чем обратиться к доработке II тома, М. И. Ростовцев сделал в самом начале 1918 г. популярный конспект исторической части книги, который отдал в издательстве «Огни» под названием «Эллинизм и иранство на юге России». Поездка в Швецию летом 1918 г. прервала его работу над II томом — рукопись книги осталась в Петрограде, М. И. Ростовцев уже в Россию не возвратился.

⁹ *Бельковский П.* О терракотовых повозках из Керчи // ИАК. Вып. 9. С. 63—72.

¹⁰ *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913.

(Продолжение следует)